

Три года назад

Эдди

Снова те ощущения, их ни с чем не перепутать, и они так же сильны, как тогда, пятнадцать лет назад: трудно дышать, и все его существо разрушается. Рассыпается самая его сердцевина.

Эта чудовищная смесь изумления и ненависти возникает, лишь когда он чувствует, что его предали.

Как сегодня — в офисе на семнадцатом этаже башни «Этуаль», будто парящем в пустоте, он внезапно становится одним целым с этой пустотой, сливается с космическим вакуумом, растворяется в нем, пока его партнер по бизнесу снова и снова повторяет неловкие объяснения.

Как вчера — вернее, пятнадцать лет назад, — в уютном кабинете, где стоял темно-зеленый диван «Честерфилд», большой письменный стол из черного дерева и несколько таких же стульев, обитых золотистым бархатом, куда он приехал с матерью, чтобы присутствовать на оглашении завещания.

Он все понял в тот момент, когда, толкнув дверь, увидел высокого бородатого парня, существенно моложе себя. Эта характерная линия роста волос. Этот выпуклый лоб, эта смуглая кожа, одно плечо слегка выше другого.

Он дрогнул, словно дерево от удара топора — от первого, самого сильного и жестокого, который ему когда-либо наносили: от удара, лишившего его остатков невинности и избавившего от глубокой печали, которую он чувствовал после смерти отца.

Итак, у него есть брат. Наполовину брат, наполовину есть.

Итак, его дорогой и любимый папочка, который так внезапно умер от менингоэнцефалита — хотя был в отличной для своих семидесяти шести лет форме (каждое утро в любую погоду он пробежал пять километров и гордился здоровым сердцем и давлением как у юноши), — так вот, его отец произвел на свет и затем старательно скрывал еще одного ребенка.

Желая развеять последние сомнения, адвокат произнес:

— Позвольте представить вам Эрнеста Вильстрёма, младшего сына покойного господина Бауэра.

Юноша разглядывал Эдди с легким любопытством, пытаясь найти в старшем брате что-то общее с ним самим, но Эдди был копией матери — среднего роста, крепкого телосложения, с темно-русыми волосами и светлой кожей. Охваченный мыслями, пронесившимися у него в голове, об этом их различии он подумал прежде всего. Тайный сын, которого не было ни на одной фотографии, о котором не прозвучало ни слова ни в одном разговоре, ни в одной речи — а Вальтер Бауэр упоминал о своей семье при каждом удобном случае, — тот, кого почти

не существовало, кого даже на похороны не позвали, оказался пугающе похожей, возмутительно точной копией отца, в то время как «официальный» сын, на которого с самого рождения отец возлагал надежды, тот, кем все гордились, кого поддерживали, кто на любом торжестве стоял в первом ряду, не унаследовал ни одной его черты.

Следующая мысль оказалась еще ужаснее. Эрнест Вильстрём, в отличие от Эдди, явно не был ни удивлен, ни встревожен. Он обо всем знал. Он не выглядел осунувшимся от горя, как Эдди, который, с тех пор как умер отец, почти не спал. Эрнест не скорбел. Более того, казалось, он испытывает облегчение, как человек, дождавшийся завершения долгих и утомительных, но неизбежных формальностей. Отец умер, что ж, значит, можно заняться чем-то еще. Он не испытывал никакого желания добиваться справедливости, не чувствовал ни утраты, ни боли. Разве что легкое презрение с оттенком безразличия. От него ничего не скрывали. Когда он стал достаточно взрослым, чтобы понимать такие вещи, мать рассказала ему об обстоятельствах, при которых он появился на свет, — о романе на одну ночь с начальником; о том, как она пыталась этого избежать, но он был очень настойчив, и в конце концов она уступила; о соглашении, которое они заключили, когда она поняла, что беременна. Ей было сорок четыре года, она уже давно жила одна и не надеялась стать матерью, и вот судьба подарила ей невероятный шанс, от которого она не смогла отказаться. Она успокоила Вальтера — ей от него ничего

не нужно; все, чего она хочет, — это ребенок, независимость и чтобы ее оставили в покое. Она пообещала, что не станет ему докучать и сохранит тайну, если он поступит так же. Вальтер взял на себя расходы на образование и лечение ребенка и завещал сыну четко оговоренную часть своего состояния, взамен потребовав лишь одного — права дать ему имя: Эрнест. Мальчик рос, креп, лишнего не спрашивал — на вопросы об отце он отвечал правду: «Он далеко. В другом городе. На другом конце страны». Мать очень постаралась, чтобы их разделяло как можно больше километров.

Все это Эдди узнал позже. А сейчас он переживал встречу с жестокой реальностью: отец растил его во лжи, хотя пожар рано или поздно должен был разгореться. Он тысячу раз мог обо всем рассказать старшему сыну, но предпочел молчать. Эдди так хотел брата или сестру, а отец, глядя ему в глаза, говорил, что у них идеальная семья и любое вмешательство нарушит хрупкую гармонию, которая царит между ними тремя. Но своим имуществом распорядился четко и аккуратно: бóльшую часть состояния еще при жизни передал жене, а сыновьям оставил равные шестизначные суммы.

Ах да, Лоретта.

— Мама... Ты знала?

— Что за вопрос, Эдди... Конечно, нет.

Она смотрела в пол, опустив голову, и невозможно было понять, действительно ли она потрясена или просто играет роль в этом спектакле. Эдди уже никому не верил.

Его родители всегда были одним целым. Тридцать пять лет они любили друг друга, и страсть их не угасала — так он думал до сих пор. Часто ссорились, но всегда мирились. Возможно ли, что Вальтер скрывал ребенка от Лоретты? Что вообще знал Эдди о том, насколько малодушен был его отец в своей личной жизни?

А возможно, мать тоже лжет. Чем больше Эдди думал об этом, тем менее вероятным казалось ему, что рациональный и предусмотрительный Вальтер передал бы почти все свое состояние жене, рискуя, что она узнает об измене, затем потребует развода и все заберет себе. Нет, Эдди видел в этом доказательство заключенного между ними соглашения или, по крайней мере, того, что отец покаялся: «Я предал тебя, у меня есть ребенок, но это никак не отразится на нашей жизни, на твоём благополучии. Вот, дорогая, я так тебя люблю, что отдаю тебе все, что создал».

Эдди промолчал. Он всегда считал, что лучше отпустить виновного, чем наказать того, кто ни в чем не виноват. Если Лоретта действительно ничего не знала — ведь она взяла его с собой, — значит, сейчас потрясена не меньше, чем он. Значит, и её сердце разбито дважды: смертью человека, которого она любила, и его предательством. Если это так, несправедливые подозрения лишь сделают ей больнее.

Он подписал бумаги, которые перед ним положили, и вышел из комнаты. Никто не пытался его остановить — ни невозмутимый Эрнест, ни Лоретта с натянутой, будто

приклеенной к лицу улыбкой, ни юрист, перебиравший документы.

Сидя в машине, он позвонил Норе. Сказал, что случилось нечто невероятное и очень важное: у него есть брат. Брат, которого отец сначала ему не дал, а потом... украл. Брат, с которым у него теперь ничего не выйдет — слишком поздно. В десять, в двенадцать лет еще могут возникнуть общие воспоминания, крепкие связи, можно ссориться, защищать друг друга, любить и ненавидеть. Но время упущено. Это не брат, который появился из ниоткуда, это чужак, возможно, даже враг — кто знает. Это противопехотная мина, и он на нее наступил. Эрнест не виноват, ни в чем не виноват. Он не просил, чтобы его рожали, не собирался расти без отца и даже не претендовал на часть наследства. Однако самим своим существованием он разрушил жизнь Эдди. И отныне тот больше ни в чем не может быть уверен. Он даже не знает, как правильно дышать.

— Может быть, не все еще потеряно, — негромко проговорила Нора. — Но это тяжело, я понимаю. Помни, я люблю тебя всем сердцем.

После его звонка она выключила компьютер и графический планшет и сказала коллегам, что ей нужно срочно уйти. Она так спешила, что забыла надеть пальто. На шоссе свернула не туда, проехала лишние четыре километра, едва не врезалась в ограждение. Когда она открыла дверь их дома, Эдди бросился к ней и обнял так крепко, что она испугалась, как бы он не сломал ей ребро.

Но она его не остановила. Эдди почувствовал, как ее любовь изливается на него, заполняет его, подобно живой влаге, вспомнил, что она — истинный смысл его жизни, его будущее, его утешение. Он ласкал ее, целовал губы и пальцы, покусывал ногти, плакал — с ней он мог позволить себе быть уязвимым. Всего раз, один только раз, ведь он хотел, чтобы она знала: он — ее опора, но сейчас он должен дать выход своей боли, а потом он снова возьмет себя в руки и построит нечто великое и нерушимое. Пусть фундамент его детства рушится — живые корни их с Норой семьи дадут новые побеги.

Следующие несколько дней они не возвращались к тому, что произошло, хотя тень случившегося нависала над каждым их словом. Однажды утром Нора все-таки решилась заговорить. Эрнест еще был в городе, ожидал завершения последних формальностей, и после этого он уедет за сотни километров, исчезнет из их жизни.

— Дети не должны расплачиваться за ошибки родителей. Давай пригласим его. Вдруг ему захочется прийти? Что, если нам потом всю жизнь придется жалеть? Будь что будет.

Они были женаты всего несколько месяцев, но любили друг друга гораздо дольше. И абсолютно доверяли друг другу.

— Нам не о чем говорить. Это будет мучительно.

— Зато для тебя в этой истории не останется белых пятен. На Лоретту тут надеяться не приходится...

Накануне Эдди ездил к матери. Но едва он упомянул об оглашении завещания, как она остановила его:

— Не нужно вонзать нож в старые раны, мой мальчик, больше ничего не хочу об этом слышать, ты меня понял?

— Понял, мама.

Однако Эдди казалось, что нож вонзился не в старые раны, а ему в живот.

И он уступил Норе, но пусть Эрнесту позвонит она сама. Он боялся говорить с ним, приглашать к себе — стоило подумать об этом, как в глазах начинало темнеть, слова путались, отказывались выстраиваться в предложения. Когда Эрнест услышал в телефоне мягкий, теплый и искренний голос Норы, то сразу согласился, понимая, что бояться нечего — в этом приглашении нет ни подвоха, ни угрозы. Ему тоже не хотелось потом ни о чем сожалеть.

Следующим вечером он появился у них на пороге с бутылкой хорошего вина в руках.

Братья оказались настолько разными, насколько это вообще возможно. Эдди — ему тогда было тридцать два года — окончил одну из лучших бизнес-школ в стране и строил карьеру. Он работал стратегическим консультантом в крупной компании. Он высоко ценил труд. Главным в его жизни было навязанное Вальтером стремление к успеху, измеримому и осязаемому, который, в свою очередь, был необходим для достижения главной цели: он хотел создать семью с Норой, окружить ее заботой, сделать все возможное, чтобы горячо любимая жена была счастлива.

Нора была художницей, творческой натурой, и делала такие красивые украшения, что на улице ее нередко останавливали и спрашивали, где она такие нашла. Эдди хотел, чтобы она перестала работать графическим дизайнером и занялась любимым делом. У него был план: купить красивый дом с большим садом, где будут играть их дети, и с мастерской для Норы — просторной и хорошо оборудованной. Ради этого он готов был вкалывать по пятнадцать — восемнадцать часов в день, почти все выходные проводить на работе, соглашаться на невыполнимые требования и сроки, разгребать лавину писем, терпеть сколько понадобится. Нора была его топливом.

Эрнесту недавно исполнилось двадцать три года, и ни о чем подобном он не думал. Он, можно сказать случайно, выучился на автомеханика: они с матерью жили рядом с автомастерской, где ремонтировали кабриолеты шестидесятых годов, английские и американские автомобили пятидесятых и обслуживали спортивные гоночные машины. Он был тем самым мальчишкой со щеками, перемазанными машинным маслом, который с пяти лет крутился под ногами у механиков. Он был готов мести полы, выжигал крошечными пальчиками болты, провалившиеся в радиатор или карбюратор, и в конце рабочего дня выпрашивал разрешение сесть за руль. Он любил запахи смазки, бензина, сварки, звук, с которым режут и гнут металл, гул вентиляторов. Ему нравилось сидеть с рабочими, слушать, как они мечтают

хоть раз прокатиться на машинах, которые реставрируют, но на которых им никогда не доведется ездить.

Он хорошо учился, лучше всего ему давался французский — он любил читать и отлично писал сочинения. Для матери стало неожиданностью его решение бросить школу, однако препятствовать она не стала. Ей хотелось, чтобы он был счастлив, а счастлив он бывал, только с головой нырнув в мотор, с дочерна перепачканными руками. Так и продолжалось, пока он не получил первую настоящую работу в гараже, где чинили в основном фургончики, разбитые спешившими на рынок поставщиками. Хозяин гаража однажды вечером напился, затащил его в покрасочную камеру и попытался избить. Они сцепились на холодном бетонном полу. Хозяин был втрое тяжелее, он расплющил его своим мягким и мерзким телом, не давал дышать. Но ярость в помутившемся сознании Эрнеста победила ужас и отвращение. Ему удалось схватить разводной ключ и нанести удар. Он бил снова и снова, пока кровь не залила пол, заляпанный краской и лаком, а хватка хозяина не ослабла.

Эрнест встал, привел себя в порядок и ушел, прихватив из кассы то, что ему причиталось. Он никому не рассказал о том, что произошло, хозяин мастерской тоже молчал. С тех пор Эрнест больше никогда не устраивался на постоянную работу, особенно в гараж. Матери, которая видела, как он изменился, он объяснил, что от запаха бензина у него болит голова, — то же самое он сказал Эдди и Норе, как и любому другому, кто его спрашивал.

С одной сезонной работы он переходил на другую: весной — в садах, летом — на пляжах, зимой — в горных ресторанах. Случались у него и мимолетные романы, истории на одну ночь и даже на неделю, но на большее он не был готов. Он полюбил независимость, свободу от любых привязанностей. Работал он ровно столько, сколько требовалось, чтобы хватало на самое необходимое, и если все это было похоже на бегство, понимал это только он.

В тот вечер Нору поразило, что каждому из братьев жизнь другого казалась полной опасностей и в то же время лишенной смысла: существование Эрнеста было совершенно неупорядоченным, существование Эдди напоминало упрямую, бесконечную гонку.

За десертом она спросила, что они собираются делать с наследством.

— Я стану партнером, — ответил Эдди. — Давно об этом мечтал. Куплю долю в компании, я уже говорил с Томасом. Ну и, конечно, куплю дом. Для нас, Нора.

— А я куплю и переделаю грузовик, — ответил Эрнест. — Я уже присмотрел подходящий. Старый «Берлье». Установлю солнечные панели, все необходимое, чтобы ни от кого не зависеть... Остаток отложу — вдруг я доживу до старости.

— Однако... — заметила Нора и наполнила бокалы.

Они разошлись поздно ночью, помахав друг другу на прощание. Никакой волшебной искры между братьями не промелькнуло, но этого никто и не ждал. Эдди

и Эрнест отнеслись друг к другу с уважением, понимая, что никогда не станут близки и связывать их будет лишь общая ДНК и — в какой-то степени — Нора. Она заставила их пообещать, что они будут встречаться хотя бы раз в год. Эрнест заинтриговал и тронул ее. И потом, у них было так мало родных... Втроем они были словно маленькое созвездие. Эта мысль ей понравилась.

И все получилось. Эрнест не забывал сообщать ей о своих постоянных перемещениях. Когда родилась Лени, Нора отправила ему открытку, и с тех пор он каждый год тоже присылал открытку на день рождения их дочери. Эти отношения так и продолжались — на расстоянии, но большего Эдди и не выдержал бы. Каждый раз, встречаясь с Эрнестом, он снова узнавал черты отца и снова чувствовал жгучее разочарование.

И вот Эдди уже не тридцать два года, а сорок семь. Пятнадцать лет пролетели словно мгновение, словно закончился длинный и трудный заплыв, требующий невероятных усилий, но все-таки приносящий удовлетворение — все препятствия остались позади, опасные повороты пройдены, цели достигнуты. Если задуматься, то больше всего удовольствия принесли первые десять лет. Затем все стало меняться.

Сначала он нашел этот великолепный дом, старой постройки, в очаровательном и тихом городке всего в пятнадцати километрах от их нынешнего жилья. Чтобы приобрести его, он влез в кредит на двадцать лет,

совершенно не беспокоясь о будущем, — столь безоблачным оно ему казалось. Вместе с Норой они отремонтировали пристройку и превратили ее в мастерскую. Нора, как и планировалось, ушла с работы и открыла свое маленькое дело. Эдди устроил в подвале тренажерный зал и домашний кинотеатр. Сделано. Сделано. Сделано. А потом появилась Лени. Она стала центром их вселенной, и все полетело кувырком, помчалось с бешеной скоростью. Хотя вряд ли тот период их жизни можно назвать оздоровительной пробежкой: в роддоме свирепствовал неизвестный вирус, и через несколько часов после рождения дочери врачи предупредили Нору и Эдди, что ребенок может не выжить. Организм Лени отвергал все, что в него попадало, девочка стремительно теряла вес, и никто не мог понять причину и не знал, как это остановить.

Эдди часами баюкал ее на руках, разговаривал с ней, ночи напролет не сводил с нее глаз, умолял бороться, сопротивляться напавшей на нее дряни. Неделями твердил, как сильно ее любит и будет любить каждую секунду своей жизни, тайно предлагал дьяволу сделку: пусть забирает все что угодно, лишь бы оставил ребенка. И однажды утром — пуф! — все прошло. Лени была спасена. Ее маленькое тельце победило, теперь оно удерживало в себе растворы от обезвоживания, ножки снова стали пухлыми, щечки — розовыми, она улыбалась, и воспоминания о жестокой борьбе вмиг остались в прошлом. Лени росла и больше никогда не болела — разве что насморк

иногда, — словно вирус, не убив, сделал ее невосприимчивой к любым болезням.

В этом была немалая заслуга Норы: она стала буквально одержима здоровьем Лени. Сама готовила и строго следила за тем, чтобы каждый прием пищи был сбалансирован, использовала сезонные фрукты и овощи, проверяла состав гигиенических и чистящих средств, пристально изучала, из чего сшита одежда, — страх перед новой катастрофой не отпускал ее ни на минуту. Именно в это время начались страдания Эдди.

До того как родилась Лени, между Норой и Эдди существовало невероятное влечение, и он думал, что так будет всегда: одного прикосновения было достаточно, чтобы оба оказались на грани оргазма, слившись воедино, жадные до ощущений, готовые на любой эксперимент, который подсказывало воображение. Ничего подобного Эдди до встречи с Норой не испытывал; это стало для него смыслом жизни и причиной отдавать ей всего себя. Его сердце взрывалось от любви в то же мгновение, что и он сам.

Однако рождение дочери и вирус словно перезапустили их отношения, и новые «настройки по умолчанию» оставляли желать лучшего. Нора стала не так доступна — и телом, и мыслями, — она избегала его прикосновений, и Эдди это принял, искренне, по-настоящему, хотя было непросто. Ведь по своей природе он был понимающим, старался поступать правильно, быть хорошим мужем — как он это себе пусть и немного смутно

представлял, — даже если потребности Норы приходилось теперь ставить выше его собственных, довольствовался он малым. Эдди убедил себя, что это естественный этап, особенно учитывая обстоятельства: в конце концов, даже те пары, которым не выпало подобных испытаний, после рождения ребенка сбавляют темп или вообще берут паузу.

Он был уверен, что Норе скоро начнет не хватать их былой страсти — как не хватало ему — и она почувствует ту же пустоту. Но появлялись все новые заботы: сначала они долго пытались завести второго ребенка, пока наконец не смирились с тем, что придется обойтись одним; затем в жизни Лени появился тамблинг — удивительный вид спортивной гимнастики, о существовании которого Эдди и Нора даже не подозревали. Подруга привела Лени в местный спортивный клуб, и там она впервые пробежала по акробатической дорожке и прыгнула, продемонстрировав невероятные способности, которые тут же привлекли внимание тренера. «Будущая чемпионка», — вот что тогда сказал Джона Соу. Лени едва исполнилось одиннадцать. Всем было очевидно: такая подвижная и гибкая, она идеально подходит для тамблинга, и ей самой этот спорт будет приносить радость. Эдди и Нора перешли на новый этап. Тамблинг теперь занимал все больше места в их жизни. В выходные Лени (и сопровождавшая ее Нора) почти не бывали дома. По воскресеньям Эдди просыпался один. Это было немного грустно, но он подерживал дочь — не было ничего лучше, чем видеть,

как она прыгает и кувыркается, как она счастлива. Он оплачивал ее участие во всех соревнованиях, в том числе зарубежные поездки, и нередко брал на себя часть расходов клуба.

Их отношения с Норой изменились: секс перестал быть необычным и яростным, стал более нежным и предсказуемым. Жизнь теперь подчинялась строгому расписанию, но Эдди не жаловался: они по-прежнему любили друг друга, в этом не было никаких сомнений. И эта любовь давала ему надежду, что все еще наладится.

Ожидая возможности вернуться в потерянный рай, он с головой ушел в работу. Тем, кто упрекал его, что всю жизнь он посвящает труду, Эдди отвечал, что всю жизнь отдает жене и дочери — и это его устраивает, потому что нет на свете ничего, что могло бы быть для них слишком хорошо или слишком дорого. Их общее будущее строится здесь и сейчас, в эти важнейшие годы закладываются основы их благополучия. Коварная, подтачивающая силы усталость накапливалась, но Эдди верил: придет время, когда можно будет отдохнуть, когда станет легче, — ради этого он и трудился. Они ведь еще так молоды. А пока нужно быть мужественным и набраться терпения, вот и все.

Если подумать, во всех сферах жизни повторяется одна и та же кривая взлетов и падений: сначала всплеск энтузиазма, затем трудности, — а потом, если все идет как надо, появляются силы для нового подъема. Вот

и с Томасом так же — пламя сначала вспыхнуло, затем погасло. Когда Эдди получил диплом, отец познакомил его с этим человеком, который был намного старше него: они принадлежали к одному кругу — как рыбы в одном аквариуме, — посещали те же рестораны, те же клубы, время от времени работали вместе. Едва увидев Эдди, Томас сразу понял, что тот добьется больших успехов. Молодой человек отличался острым аналитическим умом, нестандартным мышлением, безупречной дисциплиной и невероятной стрессоустойчивостью. Их будущее партнерство было лишь вопросом времени и организации финансов, и после смерти Вальтера все необходимые бумаги были подписаны без промедления.

Помимо работы над текущими делами, Томас поручил Эдди руководство аналитическим центром, который разрабатывал новые методы и стратегии. Попросил его сосредоточиться на том, что составляло основу, самую суть их бизнеса, а за собой оставил управление финансами, подбор кадров, развитие — все то, что казалось Эдди ужасно скучным. Возникшее между ними взаимное уважение, постепенно переходящее в дружбу, сблизило их настолько, что каждое утро они начинали с чашки кофе и обсуждения насущных вопросов.

Компания стремительно росла, получая одну награду в сфере экономики за другой, наращивая астрономические цифры оборота, мелькая в колонках специализированных газет и журналов, вызывая ажиотаж у кадровиков. Это продолжалось примерно десять лет — лучших лет

в жизни Эдди, несмотря на усталость, стресс и нарастающий кризис, а также полную разочарований личную жизнь.

Однако взлет компании постепенно свел на нет его отношения с Томасом. Их расписания перестали совпадать, от утренних встреч пришлось отказаться. Теперь Томас раз в неделю присылал письмо, в котором излагал основные направления развития. А Эдди со временем начал ощущать некий дискомфорт, как будто в горле першит — дышать не мешает, но раздражает, все никак не проходит и заставляет задуматься: а что, если это какой-то серьезный симптом?

Теперь Эдди понимает: увы, именно так все и было. Неизлечимый рак разъедал компанию изнутри. Когда першило в горле, это инстинкты кричали: «Берегись, Эдди! Ты спишь, а ветер крепчает, крылья мельницы вертятся слишком быстро». И вот он, не веря своим ушам, слушает Томаса и молится, чтобы все это оказалось дурным сном. Компания терпит крах. Еще несколько дней — и выбора не останется: всё продадут за гроши, и покупатели растерзают добычу на части. Ничего уже не спасти, пути назад нет, чуда не произойдет. Томас кается, признает свою вину: слишком много управленческих ошибок, слишком дорого обошлись и сделки, которые он заключал ради внешнего роста, и услуги консультантов, ездивших по его поручению в десятки стран. Томас хотел, чтобы на него работали лучшие, и чтобы заполучить

таких специалистов, обещал им невысказанные зарплаты, но наступил кризис, рынок просел... Компания вся в долгах, и Эдди об этом, конечно, известно, но он полагал, что все под контролем. Однако оказалось, что это не так.

— Эдди, я делал все что мог. Признаю, я недооценил ситуацию. Нужно было пересмотреть тарифные сетки, я слишком увлекся, правда. Но я до последнего был уверен, что мы выкарабкаемся — переждем трудности, переживем бурю. Но главные инвесторы нас бросили. Мерзавцы. И теперь все пропало.

Больше, чем банкротство, Эдди угнетают предательство и ложь. Падение было медленным, но каждый раз, когда он начинал задавать вопросы, Томас успокаивал его. Подтасовывал события, показывал цифры, схемы, устраивал обеды с банкирами, доставал билеты на предпринимательские показы, акулы сужали круги вокруг них, а он, наивный, даже не пытался вникать. Эдди доверял компаньону, несмотря на тревожные сигналы: влиятельные партнеры внезапно уходили, уводя за собой клиентов; кредиторы начинали требовать денег. Он считал, что их с Томасом связывает особая дружба и можно не бояться удара в спину и подковерных игр.

Ему хочется плюнуть Томасу в лицо. Кажется, его вот-вот стошнит на лакированные мокасины старшего партнера. Черт. Сколько всего он принес в жертву компании, сколько всего вложил! Он думал: «Ну, еще три года, максимум пять, а потом продам свою долю». Семья будет

обеспечена на много поколений вперед, и я смогу наконец проводить время с родными». А теперь у него ничего нет. И он сам в этом виноват.

Блестящий ум не заметил опасности так же, как когда-то не замечал, как врет ему Вальтер. Его жизнь — затянувшаяся на горле темная петля, наследие лживого отца уничтожено лживым партнером. Эдди стыдно за самого себя, за то, что он считал себя неуязвимым, а Томас продолжает лепетать оправдания. Эдди думает о Норе и Лени: как он им скажет, что все потерял — лишился денег, а в ближайшее время лишится и работы? Что останется от мужа и отца, который должен быть сильным, должен заботиться о них?

Он пытается подсчитать: ипотека, расходы на привычный образ жизни, налоги, планы Норы открыть бутик и торговые точки в крупных супермаркетах — на это он тоже обещал дать денег, — а еще соревнования Лени. Утром жизнь казалась такой простой, а сейчас все рушится.

Он не отвечает Томасу. Чувствует, что может сорваться, врезать ему по морде или сделать что-то более страшное. Ему плохо, так плохо, и он выходит из кабинета, хлопает дверью, и консультанты в опенспейсе провожают его испуганными взглядами. Он вылетает на парковку, бросается к машине, едет прочь из города, открыв окно, чтобы не потерять сознание. Сворачивает на проселочную дорогу, останавливается и сидит в машине, словно в убежище. Телефон отключен. Вокруг расстилается

желто-зеленый ковер — под теплым ветром колышется рапс. Если бы он вышел из машины и сделал несколько шагов, то заметил бы, что стебли облеплены тлей. Увидел бы, что за всей этой красотой скрывается болезнь, неизбежный упадок, трагедия. Но он неподвижно сидит, навалившись на руль. Мир вокруг перестал для него существовать.

К семи часам вечера он снова заводит машину и едет домой, хотя обычно остается в офисе до одиннадцати — если, конечно, они не приглашены куда-нибудь на ужин. Нора и Лени на кухне, готовят домашнюю гранолу. Эдди очень бледен.

— Все в порядке? — встревоженно спрашивает Нора.

— Джона дал нам рецепт, — перебивает Лени. — Для завтрака! В нем полно энергии! Это и для тебя тоже, папа!

Эдди смотрит на дочь, которая отмеряет овсяные хлопья. Она поворачивается к нему и улыбается. Волосы собраны в пучок, на лице макияж — наверное, репетирует перед соревнованиями. Какая же она красивая... Ей всего тринадцать лет, но выглядит она на все пятнадцать.

— Я просто устал, — отвечает он. — Все в порядке, мои дорогие.

Джона

Джона лупит боксерскую грушу, а хотел бы избить себя самого. В просторном пустом зале, где светятся лишь зеленые указатели аварийных выходов, среди четко очерченных форм — беговых дорожек, стоек с гантелями, лавок, брусьев, — он пытается справиться с бурей, которая бушует внутри. Задушить ярость, которая поднимается в его душе в самый неподходящий момент — всякий раз, когда, казалось бы, можно почувствовать себя счастливым. Если бы он не был так одинок, если бы у него были друзья и семья, мог бы он открыться им — или все решили бы, что он безумен? Но ведь он и есть безумец, разве нет? Ведь ни друзей, ни семьи ему не нужно...

Он снова наносит удар, потом выходит на улицу и бежит — пять километров, десять... Еще не так поздно. Трижды он встречает знакомых: школьного учителя, секретаршу из мэрии, мужчину с собакой. Они кивают ему — он местная знаменитость. Клуб побеждает все чаще, о нем постоянно пишут в местной газете. Недавно у Джона даже брали интервью для государственного телеканала — у бывшего чемпиона, а теперь тренера малоизвестного, но захватывающего вида спорта, спорта высоких достижений, который тем не менее слишком часто

относят к второстепенным. Люди пытаются привлечь его внимание, порой даже не осознавая этого. Он притягивает окружающих — и мужчин, и женщин, — и это происходит почти всегда. Так уж он действует на них. Он, и его большое смуглое тело, широкий шаг, массивные скульптурные бедра и плечи, а возможно, и загадка, таящаяся в его взгляде, в его молчании, в его мраке.

Сегодня он должен бы радоваться: он победил в межрегиональном чемпионате. Точнее, это Лени победила — в категории тринадцати-четырнадцатилетних спортсменок. Ни на миг не дрогнув рядом с более старшими и опытными соперниками. Изящная и уверенная в себе, она в прямом смысле слова взлетела на первое место. Она подняла кубок, и он будто снова увидел, как два года назад она впервые шагнула босиком на гимнастическую дорожку. И в этот момент он понял, куда сможет привести ее. Не только потому, что она вся была словно из упругой резины — из той, что нужна для самых прыгучих мячей, — не только потому, что идеально выполняла связку — рондат* и обратное сальто, — которую раньше делала только в унылом школьном спортзале. А потому, что в ней было то, что мог распознать только он: свет, который пробивается наружу, голод и жажда, огонь.

И это до сих пор не дает ему покоя. Он пытается понять, что за огонь пылает в этом ребенке. Он

* Рондат (от фр. *rondade*) — вид акробатического переворота с поворотом на 180 градусов вокруг продольной оси.

уверен: чтобы прыгать, взлетать, крутиться так быстро и так высоко, нужно гореть изнутри. Нужно бросать вызов законам равновесия, смотреть в лицо опасности, не бояться разрывов и травм. В нем самом пылал этот огонь, когда в свои восемь или девять лет он принял приглашение шагнуть на ковер, — чтобы усмирить пламя, медленно тлевшее в его душе с тех пор, как он потерял родителей, пламя, взметнувшееся так высоко, когда умерла его приемная мать.

Но тогда перед ним неожиданно распахнулась дверь. Тренер из соседнего клуба пришел в приют, чтобы показать им незнакомый вид спорта. Джона уже был большим, сильным и полным ярости. Несколько месяцев хватило, чтобы он начал выделяться на фоне остальных. Когда он добился первых успехов, тренер, опасаясь, как бы он не сбился с пути, объяснил ему: нужно строго следовать дисциплине, сопротивляться соблазнам и юношеским порывам. Он видел немало зазнавшихся подростков: настоящие бомбы, которые рано или поздно взрывались у него в руках, чаще всего — на пороге успеха. Но для Джона это предупреждение было излишним. Он давно усвоил, к чему приводят такие выражи: к холодному полу, на котором ты находишь своих родителей — в отключке.

И даже если с этого холодного пола ты попадешь в объятия новой матери, и тебе снова станет тепло, и ты снова поверишь, что можно быть любимым, обрести семью, снова стать чьим-то ребенком, и пусть для нее это всего лишь работа — брать на воспитание детей, которые

больше никому не нужны, детей, которых у нее были десятки, и каждого из них она любила, что бы там о ней ни говорили, — все равно рано или поздно пол под твоими ногами вновь станет ледяным, потому что приемной матери, чтобы стать такой хорошей приемной матерью, пришлось пожертвовать молодостью, энергией и здоровьем, и однажды она, едва дожив до пятидесяти семи лет, тоже упадет и больше не встанет. И тогда все погружается во тьму и в то же время вроде как проясняется. Открывается истина: ничто не вечно, все, что похоже на любовь, на тепло и безопасность, непременно исчезнет.

Джона усвоил урок. С тех пор он полагался только на себя. На себя и на адреналин, эндорфины и дофамин. Он отдал себя тамблингу полностью, без остатка. Спорт удержал его на плаву, превращая дрожь и боль в виртуозную акробатику: сначала он стал подающим надежды юниором в клубе рядом с приютом, затем вошел в элитную группу, получил чемпионский титул и наконец уже взрослым попал в этот город и стал тренером благодаря счастливому случаю, совпадению — мэр оказался бывшим спортсменом и с ностальгией вспоминал прошлое.

Мало кто способен понять Джону, многие шепчутся за его спиной: он, должно быть, совершенно не в себе, если ведет такую жизнь. Но в этом все дело: чтобы так выкладываться — превозмогая себя, превозмогая боль, от пяти до пятнадцати тренировок в неделю, — нужно либо все потерять, либо никогда ничего не иметь. Однако, насколько ему известно, в посыпанной тальком ладошке

маленькой Лени, наоборот, зажато все, что обычно заставляет сдаваться, то, что лишает воли: материальный комфорт, обеспеченное будущее, а главное, избыток любви. Особенно материнской. Ее мать совсем не похожа на других: на модно одетых и покрашенных женщин, которые привозят детей на занятия и бросают на Джону кокетливые взгляды. Он давно наблюдает за этой терпеливой женщиной, которая сама расшивает стразами и пайетками костюмы для всей команды, с нежностью поправляет прическу дочери и старается держаться в стороне и никого не отвлекать. В ней есть нечто завораживающее, притягательное. Что-то, что он узнаёт, но не смеет назвать, то, что трогает его до глубины души, волнует и сбивает с толку.

Отец Лени — совсем другое дело. Он появляется только на крупных соревнованиях, да и то не всегда. А если все-таки находит время, чтобы прийти, то почти не отрывается от телефона. Но он — главный спонсор клуба, и Лени так благодарна ему, так гордится, понимая, как важен его вклад. Она еще ребенок, но уже знает: деньги — движущая сила, здесь — как и везде. Без нового помоста для выступлений, без возможности ездить по всей стране она бы не достигла такого уровня, какой бы талантливой и храброй ни была.

Джона тоже благодарен. Однако что-то его тревожит, что-то мешает, но он объясняет это гнетущим чувством, которое возникает, когда от кого-то зависишь. Семья Бауэр занимает слишком много места в его жизни. Лени появилась тогда, когда он начал задумываться о будущем,

о том, есть ли какой-то смысл в его работе: уже пять или шесть лет никто из его учеников не занимал достойного места на пьедестале. Лени заполнила пустоту, которая начала подтачивать его изнутри. Помогла обрести равновесие, дала опору, но Джону постоянно преследует странное, навязчивое ощущение несоответствия между тем, кто эта девочка такая, между тем, что она имеет, и тем, к чему так отчаянно стремится. Он привязан к этой маленькой, но удивительно зрелой душе. Он возлагает на нее надежды, они вдохновляют его, но и пугают тоже. Он боится, что она изменится, внезапно потеряет интерес к спорту, исчезнет, а вместе с ней и свет, который она излучает.

А еще есть Нора. Она заполняет его мысли — к матери добавился еще и образ женщины, за которой он украдкой наблюдает, и в его груди ноет, когда она наклоняется к дочери, и кожа в ложбинке на ее шее пульсирует, и в этой ее нежности таится такая необычная красота, что Джону будто разрывает на части.

И наконец, Эдди Бауэр, «королевский орел» — не благодаря своей довольно заурядной внешности, а из-за размаха крыльев его возможностей. Приземлившись — или скорее вторгшись — на территорию Джоны, он накрывает Лени и Нору своими крыльями, защищает их и в то же время удерживает. И самого Джону тоже держит в своих когтях.

Джона в ужасном смятении. Его одолевает предчувствие, что он неумолимо приближается к невидимому

пока повороту, за которым все изменится. И он отправляется на пробежку. Он бежит по улицам, а ночь опускается, обнимает его, успокаивает. Шаг за шагом, пожирая асфальт, кроссовки несут его к тесной и хорошо знакомой квартирке у вокзала, где никто не задает вопросов и можно забыться в объятиях Сольвейг, Индиры или Эмили — или еще кого-нибудь с таким же выдуманнным именем. Они будут щедры и нежны и ради него сделают исключение — подарят поцелуй, которого другим клиентам не полагается. Но Джона Соу не просто клиент. Он потерянный ребенок, и, хотя пути, которыми все они следуют, совсем непохожи, их души узнают друг друга по запаху.

На обратном пути он заходит в зал — обязательная остановка. Собирает разбросанные полотенца, моет раковину, подметает пол, хотя уборщица приходит дважды в неделю. Подбирает забытые учениками вещи: жилет, резинки для волос, зарядку для телефона. Затем поднимается вверх — в свою квартиру, которую предоставил ему город. Она гораздо больше той, что он мог бы себе позволить на зарплату тренера. Три комнаты, и в двух из них почти ничего нет.

Он вспоминает, как впервые оказался здесь сто лет назад. Сотрудница мэрии показывала ему квартиру, и Джона удивился — зачем одинокому человеку столько места. Она ответила, многозначительно улыбнувшись, что обстоятельства могут измениться. Он на это ничего не сказал. Самые долгие его отношения длились два года.

Они с той девушкой были в одной команде, и для Джоны все это было только ради секса, а она ожидала большего. Закончилось все очень плохо — слезами и криками. С тех пор он позволял себе только случайные, спонтанные встречи, как правило, после соревнований. А потом появились Сольвейг, Индира, Эмили.

Мысли уплывают куда-то, и Джона вдруг понимает: его жизнь — всего лишь плавание, и он, словно капитан торгового судна, по привычке следит за грузом и движется вперед, не испытывая от этого никакого удовольствия. Став свидетелем долгой битвы за жизнь, которую вела физиотерапевт клуба, боровшаяся с агрессивным раком, он испытывает некоторое чувство вины. Ведь она отдала бы что угодно, лишь бы вылечиться, и знала бы, как распорядиться временем, которое для него ничего не значит. Он закрывает глаза, пытаясь отыскать в глубинах памяти слова, которыми утешала его приемная мать: «Ни один ребенок на свете не заслужил того, что случилось с тобой. Живи беззаботно, мой хороший, живи счастливо».

Она была очень доброй. Защищала даже его родителей, говорила, что они, такие юные, тоже не виноваты в том, что на их пути разверзлась разрушительная бездна. Она говорила: отказавшись от родительских прав, они приняли трудное, но правильное решение.

Все было не так просто, он узнал это намного позже. Его отец оказался в тюрьме, а мать скрылась, не оставив адреса. Ни один из них и никакой другой родственник

Содержание

Три года назад

Эдди	11
Джона	32
Нора	44
Лени	59

Три дня назад

Эдди	75
Нора	92
Джона	109

Тот самый день

Лени	121
Эдди	135
Джона	145

Три дня спустя

Лени	157
Эдди	174
Джона	186

Три недели спустя

Эдди	195
Джона	202
Лени	209
Все	215
Нора	221

Три секунды